

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

УДК 17 (174); 340.12

DOI: 10.17223/1998863X/32/16

Е.В. Агафонова

ПОНЯТИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ПРОБЛЕМА ВМЕНЕНИЯ В ЭТИКО-ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ: КРИТИКА КАУЗАЛИЗМА В ЭТИКЕ¹

Рассматривается понятие ответственности в этико-правовом дискурсе с целью его возможного переосмысления и уточнения. Рассматривается вариант обоснования моральной ответственности с точки зрения каузальных теорий. Вместе с этим проводится критический анализ теорий консеквенциализма в этике и его применимости для формулировки универсальных моральных принципов. Определяются трудности доказательной базы каузального подхода в этико-правовом пространстве.

Ключевые слова: мораль, ответственность, вина, вменение, консеквенциализм, каузализм.

Проблема ответственности охватывает ряд вопросов, которые ведут, в свою очередь, не только к необходимости уточнения самого понятия ответственности, но и необходимости вновь прояснить критерии морали как таковой. Ответственны ли мы за свои действия, высказывания, ответственны ли мы за других и за их действия? А если любого рода активность есть продукт истории, социума, культуры, то можно ли утверждать, что индивид лишь транслятор определенных стандартов, образцов, клише, а, следовательно, не может нести ответственность за свои поступки? Или можно ли назвать человека ответственным, если его действия объясняются исключительно ссылкой на физические законы природы или на Божественную волю? Далее, мы можем, напротив, утверждать, что современный индивид в условиях динамично развивающегося мира и усиления обязательств становится ответственным за все и вся.

Иногда наша реакция в виде одобрения или порицания может выступать мерилем оправданности действия. Но что при этом служит критерием нашей оценки моральных поступков и определения ответственности?

Теория философской рефлексии моральной ответственности имеет достаточно длинную историю и включает множество вопросов, объединяющих и конкретизирующих наши представления о себе как «человеческом существе». В целом, если сгруппировать основные вопросы, связанные с проблемой ответственности, то можно вывести несколько основных пунктов: 1) определение того, что представляет моральная ответственность как таковая; 2) выведение критериев морального агента, т.е. того, на кого может быть возло-

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 13-06-00119) в рамках проекта «Концептуальные основания прикладной этики: методология принятия морального решения».

жена ответственность (так как только тот, чье бытие определяется как способность осознанно действовать, может быть ответственным); 3) выявление условий, при которых моральный агент несет ответственность за определенное нечто; 4) установление объектов, которым может быть приписана ответственность (например, действия, бездействие, последствия, черты характера, намерения и т.д.).

Нетрудно заметить, что все эти пункты тесно связаны между собой, и ответ на один из пунктов определяет, как следует отвечать на остальные. Так, например, очевидно, что невозможно дать определение ответственности вообще без первоначального определения морального субъекта и условий, при которых совершается определенное действие (действие в широком смысле слова, включая суждение, поступок, реакцию или даже бездействие). И тогда нам следует определить, на что конкретно направлено наше внимание в моральном субъекте, т.е. что конкретно делает его действие моральным, аморальным или же внеморальным.

Строго говоря, определение того, кто «должен (обязан) отвечать», выходит за рамки семантического поля исключительно термина ответственности и связывается напрямую с понятием вменения, которое, в свою очередь, предполагает не только соответствие с обязательством (необходимостью, например, возместить ущерб), но и установление собственно *вменяемого* субъекта.

Разговор об ответственности предполагает, прежде всего, действителя, наделенного этим качеством. Кто является субъектом ответственности? Этот вопрос требует не описания, не объяснения, но идентификации субъекта, способного к ответу (кто тот, что совершил действие или поступок? Кто ответствен за случившееся?), это вопрос атрибуции, *приписывания* действия кому-либо. Моральный субъект, если воспользоваться терминологией Поля Рикера, возникает как опосредующее звено между способностью «отвечать на...» и способностью «отвечать за...». То есть это балансирование между вменяемостью и обязательством, это определение субъекта способного, который посредством моральных и правовых предикатов связывается с идеей обязанности.

И тогда закономерно начать с вопроса, что вообще означает приписать (вменить) действие субъекту? Если вспомнить Аристотеля, которого мы по праву можем считать основателем теории ответственности, то, согласно его метафорическому определению, действитель характеризуется как «отец» или «хозяин» своих действий. В «Никомаховой этике» Аристотель исследует основы пороков и добродетелей и начинает с краткого изложения концепции ответственности – того, что иногда целесообразно отвечать на действия агента или диспозиционные черты его характера одобрением или порицанием [1. 1109b30-35]. Далее он поясняет, что тип действующего может квалифицироваться как моральный (т.е. субъект ответственности), когда тот обладает способностью принятия решения. Действие агента должно быть добровольным, что предполагает два условия. Первое – это условие контроля: действие или черта должны иметь свое начало в агенте, т.е. он

не может быть принужден извне. Второе условие скорее эпистемологического характера: агент должен быть в курсе того, что именно он делает, знать, что он конкретно осуществляет [1. 1110a-1111b4]. Правда, здесь мы уже можем заметить некоторую неоднозначность в концепции моральной ответственности у Аристотеля – не ясно, как следует интерпретировать его положение, что действие или черта должны находиться в агенте. Одни считают, что агент должен иметь некоторую черту или свойство в момент совершения действия, или же, выполнив (или не выполнив) действие, он развивает этот самый признак, черту или свойство. Такая трактовка скорее предполагает теорию заслуг в прочтении концепции Аристотеля. Другие же считают, что действие или черта с необходимостью следуют из желаний /влечений/убеждений агента и выводятся из них. Такого рода позиция напрямую связана с консеквенциалистским прочтением. И важно то, что основные моменты теории заслуг никак не могут совмещаться с каузальными теориями и детерминистскими концепциями (если детерминизм верен, то он не оставляет места для ответственности субъекта), консеквенциализм же, в свою очередь, утверждает, что каузализм никак не препятствует моральной ответственности. В первом случае, к примеру, наша похвала или порицание выступают формами контроля над поведением агента, во втором случае ободрение или осуждение представляют собой скорее формы воздействия на индивида в его дальнейших действиях.

В данном случае мы обратимся ко второй концепции и попытаемся рассмотреть вариант современной интерпретации понятия ответственного действия как каузально определенного. Дело в том, что сегодня при определении понятий ответственности и вменения в этико-правовом дискурсе превалирует именно такого рода аргументация. Во многом это связано с развитием и корректировкой юридической и правовой базы. Также можно отметить популярность и широкое влияние сегодня прикладной этики. Многие затруднения этического характера, возникающие в различных социальных практиках, позволяют по-новому взглянуть на проблемы «обычной морали»¹. Действительно, иногда вопросы юридического характера помогают внести поправки в этические словари, но всегда ли это уместно? А также следует выяснить, насколько оправдана консеквенциалистская позиция в поиске основополагающих принципов этики. Итак, данный подход можно выразить в следующем вопросе: могут ли критерии ответственности быть определены в рамках теорий причинности и носить каузальный характер?

Чтобы ответить на этот вопрос, можно углубиться в поиски историко-этимологических оснований понятия ответственности и тесно связанных с ним дериватов (так, например, небезынтересен факт, указанный П. Рикером, что первоначально «термин "ответственность" не имел общепризнанного применения за пределами политической теории, где он фигурирует в связи с ответственностью суверена перед британским парламентом», а глагол «вменять» до XIX в. мог употребляться в смысле приписывания (кому-либо) чего-либо благоприятного [2. С. 43]). Но мы не будем вдаваться в историю понятия, а попробуем пойти по пути от строго юридического оп-

¹ Подробнее о проблеме соотношения «обычной морали» и прикладной этики вы можете прочитать в статье профессора В.Н. Сырова [3].

ределения ответственности к изменениям в концепциях морали и смысловым сдвигам в современном употреблении этого термина. Возможно, именно затруднения, возникающие в юридической сфере, могут прояснить характер замешательства в теоретическом обосновании моральной ответственности и поиске ответственного субъекта.

Итак, можно сразу отметить, что юридический термин ответственности тесно связан с моральным понятием вменения. Вменение, в свою очередь, понимается как выставление на чей-либо счет «порицаемое действие или проступок, а стало быть, действие, заранее сопоставимое с обязательством или запретом, которые это действие нарушает» [2. С. 44]. То есть вменять действие это, по сути, выставить нечто на счет виновнику – делать его ответственным за нарушенные обязательства. Тесная связь ответственности и вины прочно закреплена в законодательстве и представляет собой, можно сказать, достижение всей истории общественной и правовой мысли. Эта связь раскрывает принцип юридической ответственности, отказ от которого должен вести к нарушению принципа справедливости.

Но именно здесь и начинается основная трудность, которую можно выразить в известной в юридической практике фразе «*actus non facit reum nisi mens sit rea*», что можно перевести как «деяния не делают виновным, если не виновно сознание». Эта известная в философском плане проблема, связанная с невозможностью определения «чужого сознания», может вполне привести к теоретическому скептицизму. И хотя эта проблема почти не представляет трудности в практико-повседневном плане деятельности, в правовом контексте она имеет важное практическое значение, особенно если речь идет об уголовной ответственности. Как пишет канадский философ Andrew Sneddon, «если мы собираемся осудить кого-то за серьезное преступление, и такое обвинение сопровождается серьезными последствиями, то нам лучше быть уверенным, что этот человек действительно несет ответственность за данное деяние. В идеале, желательно иметь все необходимые и безупречные доказательства для такого убеждения. Уголовная ответственность требует *mens rea*» [4. Р. 57]. Однако, учитывая очевидную конфиденциальность психических состояний, решение этого вопроса остается крайне затруднительным. Если мы не имеем прямого доступа к чужим психическим состояниям, то выводы о намерениях агента и о том, что совершенное деяние может быть преступлением, являются не более, чем условными умозаключениями. Независимо от того, насколько надежны такие выводы, они всегда будут отставать от идеала доказательства.

Отталкиваясь от этого, уже можно сформулировать ряд направлений мысли этико-правового характера при решении подобного затруднения. Одно из решений – это как раз каузализм, предоставляющий ответ на вопросы о том, что есть действие вообще и как оно может быть объяснено. В теории морального действия мы можем также встретить термин «продукционизм», что предполагает обращение к причинам, посредством которых действие было произведено. «Популярным методом к пониманию природы действия и его объяснению является выявление причинности. Каузальные теории действия придерживаются мнения, что определение события как действия зависит от того, как оно было вызвано. Эти теории предоставляют в качестве

причин такие психологические или ментальные вещи, как убеждения, желания, намерения, и связанные с ними события (например, иметь намерение А в настоящее время). Если каузальные теории действия находятся на правильном пути, они обеспечивают метафизический фундамент для популярной позиции в объяснении действия – позиции, что действия должны быть объяснены каузально, в частности, с точки зрения такого рода вещей, что были нами упомянуты. Соединение этих двух идей – о том, *что* есть действия, и о том, как действия должны быть объяснены – можно назвать каузализмом» [5. Р. 2–3]. Всех, кто проводит каузальный анализ действия в терминах убеждений, желаний, намерений, которые рассматриваются как причины, порождающие события, можно причислить к строгой версии «продукционизма» (например, Alvin Goldman, 2009; John Bishop, 2007; Alfred Mele, 1997). Слабые версии «продукционизма» также подчеркивают важность причинного влияния на ход событий, что и делает эти события действием, но они отказываются ссылаться на причинно-следственные истоки действия. Сами события рассматриваются ими как каузальные знаки действия, что не требует обращения к истокам (это теории Harry Frankfurt, 2008; Alicia Juarrero, 1999; Mark Ravizza и John Martin Fischer, 2001).

В любом случае, данный подход сам приводит к ряду затруднений, что вполне может пошатнуть базовые основы юридического решения. Так, если мотивы мы рассматриваем как причины действия, то налицо ошибка в аргументации: о мотивах мы можем узнать только исходя из описания действия, но то, как мы его описываем, уже содержит в себе указание на мотив, который только требуется установить. Другими словами, проблема проверки причинных гипотез заключается в том, что мы не можем дать независимое от наблюдения описание события без определения его предполагаемых детерминант (убеждений, желаний, намерений). Сказать «она моргнула» и «она подмигнула» – это представить различные описания действия, которые уже могут являться его объяснением. «Моргнуть» – это то, «что со мной происходит», «подмигнуть» – это то, «что я делаю». Очевидно, что второе описание уже в себе содержит указание на мотив. Мы скорее *приписываем* (в терминологии Харта и Строссона) мотив кому-либо, тем самым определяя его поведение как действие.

Можно также упомянуть концепцию различных несоизмеримых описаний действия, что была разработана Гилбертом Райлом, который сам явился сторонником совершенно иного подхода к выявлению мотива, – говорить о действиях означает не сводить их к ментальным или физическим состояниям, а скорее к общим диспозициям действовать тем или иным образом. Подобной точки зрения придерживается профессор Алан Р. Уайт (Alan.R. White). Их общее рассуждение строится на том, что указать на мотив – это не означает сказать, *что* человек думает в определенной ситуации, а скорее то, что в определенных обстоятельствах люди применяют такие-то способности [6]. Данная теория тоже не лишена трудностей, в частности, при определении мотива действия, которое противоречит предыдущему поведению агента и не соответствует его обычному «нормальному» поведению. Но ведь по сути именно эти ситуации и оказываются особо значимыми в случае ус-

тановления виновности, когда действие подозреваемого не соответствует его предыдущему поведению.

Еще одна возможность для рассмотрения практических проблем, возникающих на основе оценки «виновности сознания» (при понимании ментальности под традиционным углом), представлена Х.Л.А. Хартом. Позиция Харта – это вариант того, что можно назвать объективистской позицией. Он не принимает в качестве причинных аргументов ссылку на ментальные состояния обвиняемого, считая убеждения, желания и намерения достаточно смутными идеями. И вместо того, чтобы принимать в качестве необходимого условия ментальные элементы в преступлении как доказательство чего-то позитивного в обвиняемом, Харт предполагает интерпретировать виновность отрицательно. По Харту, ментальные предпосылки при уголовной ответственности «...могут быть лучше выражены в отрицательной форме, как извиняющие условия: человек не подлежит наказанию, если в момент его совершения то, что иначе было бы наказуемым действием, он, скажем, находился в бессознательном состоянии, ошибался насчет физических последствий своих телесных движений или природы или качеств предмета или пострадавшего от его действий лица, или, в некоторых случаях, если он подвергался угрозам или другим грубым формам принуждения или был жертвой определенных видов психической болезни. ... Если физическое лицо нарушает закон, когда ни одного из оправдывающих условий нет, обычно говорят, что он действовал по "доброй воле", "по собственному желанию", "добровольно" ...» [7. Р. 95].

Но вернемся к указанным выше проблемам каузального объяснения действия. Мы видим, что возникают некоторые трудности его использования не только в юридической практике, но также и определенные сложности теоретического характера. Более того, если мы все-таки предположим каузальную связь мотива и действия, то это ведет к еще большей проблеме. Каузальный детерминизм, взятый в своем предельном виде, ведет к фатализму, что в целом отменяет виновность субъекта, так как это только подчеркивает, что он не мог поступить иначе. Но ведь именно условия, предполагающие свободное решение агента, отсутствие препятствий и детерминаций, преднамеренность и осознанность поступка, и определяют саму суть ответственности. Можем ли мы быть ответственны за поступки, которые каузально определены и детерминированы некоторыми исходными условиями? Скорее наоборот, именно морально-ответственное поведение характеризует человеческое право на обладание свободой.

Однако условием ответственности в юридическом плане в некотором смысле все-таки является каузальность, так как иного способа установления ответственности правовая практика не может предоставить. Ханс Йонас в своей книге «Принцип ответственности» пишет: «Нанесенный ущерб должен быть возмещен, даже если причиной был вовсе не проступок, даже если последствия не предвиделись и не предусматривались. Довольно лишь того, что я явился действующей причиной. Но лишь в тесной каузальной связи с деянием, так что отнесение его на мой счет однозначно, а последствия не теряются в том, что и не могло быть предвидено» [8. Р. 68]. Здесь мы видим

явное указание на субъект ответственности, который явился причиной ущерба и обязан его возместить.

В связи с этим рассмотрим случаи, возникающие в этико-правовой сфере, которые приводят к противоположному виду проблем с определением ответственности. Это можно назвать переформулировкой идеи ответственности ввиду ее развертывания и трансформации как в юридической сфере, так и в поле нравственности.

Это аспект проблемы, возникающий в гражданском праве, где ответственность понимается как обязательство возместить ущерб. «Различие между правовой и нравственной ответственностью находит отражение в различии между гражданским и уголовным правом, в расходящемся по разным направлениям развитии которых оказались разделенными изначально смешанные понятия возмещения ущерба (в результате "имущественной ответственности") и наказания (за вину)» [8. Р. 69]. В гражданском праве идея наказания как бы замещается обязательством возмещения, и кажется, что вместе с этим происходит исчезновение идеи вины. И это странно, так как Гражданский кодекс сохраняет при этом позиции того, что было «совершено правонарушение, что совершивший знал норму и, наконец, что он являлся хозяином своих действий...» [2. С. 56]. Кажется, что в судебно-арбитражной практике вся история того, «что называют *правом ответственности* в техническом смысле термина, склонна к тому, чтобы уступить место идее ответственности без вины – под давлением таких понятий, как солидарность, безопасность и риск, склонных занять место идеи вины» [2. С. 55]. В юридической практике отмечают наличие случаев так называемого исключения, т.е. «ответственности без вины», становится чуть ли не больше случаев, основанных на принципе вины. «В устройстве системы сразу и автоматического, и подложного возмещения ущерба выражается потребность гарантировать возмещение при отсутствии поведения, приводящего к виновности» [9]. Нужно ли тогда говорить о наличии двух начал ответственности: «по вине» и «без вины»? Но это звучит, как минимум, абсурдно. Ведь изначально, как уже отмечалось, идея ответственности только и определяется через установление вины. По-видимому, здесь следует уточнить понятие действия, совершенного при «отсутствии вины» (без вины, как мы выяснили, нет и не может быть ответственности), и дополнить его понятием действия, совершенного «независимо от вины». Во втором случае мы говорим скорее об установлении неопровержимой презумпции виновности (строгой ответственности), т.е., напротив, об усилении «виновного начала ответственности в определенных законом случаях до максимальных пределов субъективной возможности лица» [10]. Должник обязан проявить наивысшую степень заботливости в связи с расширением сферы рисков. «Фактически презумпция вины поглощает все субъективно возможные варианты невиновного поведения, в том числе при случайном стечении обстоятельств» [10].

То есть, с одной стороны, в предельном случае нанесенный ущерб открывает двери на право возмещения при отсутствии видимой вины, с другой стороны, данное обстоятельство имеет обратный эффект – чем более расширяется сфера рисков, тем более срочными становятся поиски ответственного, т.е. того, кто способен возместить ущерб. Кажется, что тогда мы должны бы

более ответственно совершать свои действия и занять устойчивую нравственную позицию, так как результат наших деяний может быть непредсказуем. Но на деле сама идея риска порождает постепенный отход от этической позиции, несмотря на то, что ранее ею и порождалась: идея солидарности и доверия подрывается подозрительностью, паническим поиском безопасности и требованием компенсаций.

Проблема тогда может заключаться в расширении поиска виновного до такой степени, что сама виктимизация может оказаться случайной. В крайнем своем выражении мы имеем субъекта, изначально ответственного за все и виновного во всем. Это обстоятельство скорее ведет опять же к смещению самого морального субъекта ответственности. Он как будто теряется где-то в длинной цепочке каузальных связей, тянущихся от пострадавшего, который скрупулезно и мстительно ведет «охоту» на виновного. Такого рода каузальная связь последствия с субъектом, предположительно совершившим когда-то какие-то действия, оправданно может быть подвергнута критике как слишком неопределенная в спецификации релевантных каузальных цепей, определяющих морального субъекта как последнюю референцию.

Представляется, что основной проблемой данных подходов является именно то, что юридическая ответственность исходит изначально из уже совершенного действия, которое привело к ряду фактических следствий и потому требует именно каузального установления связи между последствиями, действием и мотивом (хотя, как было показано в случае с экономическими правонарушениями, наличие умысла совсем не обязательно). Трудности, связанные с установлением субъекта ответственного, также возникают внутри теорий морали, придерживающихся чисто консеквенциалистских позиций, ориентированных на результат действия.

Можно предположить, что концепции, предполагающие коммуникативный аспект бытия человека и интересубъективный характер ответственности, имеют больше шансов в решении вопроса ответственности, возвращая в сферу обсуждения понятия солидарности и договора. Действительно, юридические аспекты вопроса об ответственности указывают на трудности, которые встречаются при уточнении данного понятия. Но возможно, что решение проблем лежит не в плоскости юридической, а как раз в новых разработках этических концепций, которые отталкиваются не от действия и его последствий, а начинают с установления морального субъекта, который, в свою очередь, определяется в соотношении с «другим» в поле социальных связей. Следует, к примеру, вспомнить идею Питера Ф. Стросона [11], согласно которой привлечение к ответственности — это разворачивание ответных действий (таких как похвала или порицание) в отношении некой персоны, а критерии определения кандидата для ответной реакции не должны быть каузальными, но скорее общими или совместными, или, как он их называет, прагматическими.

Или же можно вновь обратиться к модифицированным теориям добродетели и современным концепциям деонтологии, в которых изначально предполагается включенность «другого» в определение субъекта и ориентированность на «другого» в практиках повседневности. Таким образом, консеквенциалистские теории направляют свое основное внимание на ре-

зультат действия субъекта, ответственность которого еще только требуется установить путем вменения вины. Но не следует ли вначале определить ответственность как некий феномен, возникающий в процессе взаимодействия с «другим» в поле общих практик. Тогда ответственность становится не только необходимостью отвечать *за что-то* перед лицом других, но прежде всего ответственностью *за «другого»*. Межперсональность демонстраций своей социальной компетенции определяет наши действия как действия в соответствии с правилами, принципами, ожиданиями, т.е. всегда с ориентацией на других. Все это раскрывает так называемую структуру доверия, из которой формируются социальные связи, выраженные в контрактах и договорах как юридического, так и морального характера.

В любом случае, в этико-правовом дискурсе аргументация с опорой на каузальные связи требует некоторого уточнения. И хотя юридическая практика в основном использует именно этот тип доказательства при установлении вины, в философском поле дискуссий этот метод вряд ли подходит в качестве основы для моральных принципов, в том числе и для определения моральной ответственности. Консеквенциалистские же теории сегодня явно не способны выступить в качестве определяющей базы для построения последовательной моральной концепции, а скорее применимы лишь в определенных ситуациях. К примеру, где *выгода* (в том числе и морального характера) от совершения поступка может быть установлена однозначным образом и перевешивает другие моральные критерии.

Литература

1. Аристотель. Никомахова этика. М., 1997.
2. Рикер П. Справедливое. М., 2005.
3. Сыров В.Н., Тарабанов Н.А. Обычная мораль и прикладная этика: есть ли принципиальная разница // Идеи и идеалы. №1 (19), т.1. 2014. С. 53–64.
4. Sneddon A. Action and responsibility. University of Ottawa, ON, Canada, 2006.
5. Mele A. The Philosophy of Action / ed. Alfred Mele. Oxford, 1997.
6. White A. R. Grounds of Liability: An Introduction to the Philosophy of Law. Oxford, 1985.
7. Hart H.L.A. Legal Responsibility and Excuses // Determinism and freedom: in the age of modern science. N.Y., 1961.
8. Йонас Х. Принцип ответственности. М., 2004.
9. Engel L. Vers une nouvelle approche de la responsabilite, *Esprit*, juin 1993. P.16. Цит. по: Рикер П. Справедливое. М., 2005. С. 56.
10. Хужин А. М. Проблема юридической ответственности за невиновное поведение: пути решения // Российский судья. 2012. № 10. URL: <http://www.center-bereg.ru/b2809.html> (дата обращения: 30.04.15).
11. Strawson P.F. Freedom and Resentment. URL: <http://www.ucl.ac.uk/~uctytho/dfwstrawson1.htm> (дата обращения: 30.04.15).

Agafonova Elena V. National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)
DOI: 10.17223/1998863X/32/16

THE CONCEPT OF RESPONSIBILITY AND THE PROBLEM OF IMPUTATION IN THE ETHICAL AND LEGAL DISCOURSE: A CRITIQUE OF THEORIES OF CAUSATION IN ETHICS

Keywords: ethics, responsibility, guilt, imputation, consequentialism, causalism

The article discusses the issue of rethinking and clarifying of the concept of responsibility in the ethical legal discourse. Who do we call responsible? What are we responsible for and before whom? What is the essence and the basis of our responsibilities? The semantic field of the concept of

responsibility is expanded in the article. The connection of responsibility with the concept of imputation demonstrates the need to define the subject of responsibility. An option of moral responsibility justification in terms of causal theories is considered. It is shown that the problems of determining of moral responsibility and imputation become apparent at the intersection of ethical and legal discourses. Imputation of guilt, especially in criminal law, requires not only the establishment of the subject, the perpetrator, but also the determination of his/her motives. The philosophically known problem connected with the impossibility of determining "alien consciousness" may well result in theoretical skepticism. In addition, if a motive is interpreted as a cause of action, there is an evident error in reasoning: a motive can be learnt from a description of action, but the way action is described already contains an indication of the motive which only requires finding. In civil law, on the contrary, the expansion of the concept of responsibility and virtual disappearance of the concept of guilt are observed. This fact leads to removal of the subject of moral responsibility. It seems that the main problem is to determine legal responsibility based on actions already committed. Consequentialism also assumes focus on a result. This shows certain difficulties of evidentiary support of the causal approach in the ethical legal environment and demonstrates the inapplicability of consequentialism as a basis for the formulation of universal moral principles.

References

1. Aristotle. (1997) *Nikomakhova etika* [Nicomachean Ethics]. Moscow: Eksmo.
2. Ricœur, P. (2005) *Spravedlivoe* [The Just]. Translated from French by B. Skuratov, P. Khitskiy. Moscow: Gnozis, Logos.
3. Syrov, V.N. & Tarabanov, N.A. (2014) Ordinary morality and applied ethics: whether there is a basic difference. *Idei i idealy*. 1(19). pp. 53–64. (In Russian).
4. Sneddon, A. (2006) *Action and responsibility*. ON, Canada: University of Ottawa.
5. Mele, A. (1997) *The Philosophy of Action*. Oxford: Oxford University Press.
6. White, A.R. (1985) *Grounds of Liability: An Introduction to the Philosophy of Law*. Oxford: Oxford University Press.
7. Hart, H.L.A. (1961) Legal Responsibility and Excuses. In: Hook, S. (ed.) *Determinism and freedom: in the age of modern science*. New York: Collier Macmillan Ltd.
8. Jonas, H. (2004) *Printsip otvetstvennosti* [The principle of responsibility]. Translated from German by I.I. Makhan'kov. Moscow: Ayris-Press.
9. Engel, L. (2005) Vers une nouvelle approche de la responsabilite [Towards a new approach to accountability]. *Esprit*. June. p.16.
10. Khuzhin, A.M. (2012) Problem of juridical responsibility for innocent behavior: ways of resolution. *Rossiyskiy sud'ya – Russian Judge*. 10. (In Russian).
11. Strawson, P.F. (n.d.) *Freedom and Resentment*. [Online] Available from: <http://www.ucl.ac.uk/~uctytho/dfwstrawson1.htm>. (Accessed: 30th April 2015).